

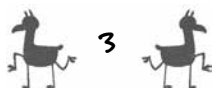
Белянка и разбитое сердце

— Мё-ё-ё-ёп!

Эйнштейн открыл глаза. В конюшню усадьбы Эрленбах (от которой давно осталось одно название — теперь вместо коней тут жили ламы) сквозь окошко проникал приглушённый свет. В луче солнца кружились пылинки. Кроме них, никто больше здесь не шевелился. Вокруг царили тишина и покой, и ничего не нарушало послеобеденный сон лам — вплоть до этого самого момента.

— Мё-ё-ё-ё-йо-о-оп! — прозвучало снова, на этот раз громче.

— Ну Петрушка, дай поспать! — недовольно буркнул Эйнштейн, обернувшись на подругу.

Белоснежная альпака возмущённо отозвалась из левого угла у дальней стены стояла:

— Это была не я!

Она откинула с глаз густую кудрявую чёлку, которой и была обязана своим именем.

— Все претензии к Чубчику!

Третий лама, с головы до копыт покрытый густой чёрной шерстью, ничего не ответил. Развалившись на сене и вытянув все четыре ноги, он лишь сладко посапывал.

— Это точно не Чубчик, сама посмотри. Он крепко спит, — возразил Эйнштейн.

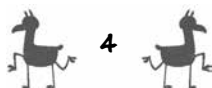
— Я тоже спала, но меня ты почему-то подозреваешь! — обиделась Петрушка. — Хотя мой голос звучит куда мелодичнее, чем этот «Мё-ё-ёп!».

Едва она передразнила «немелодичный звук», как сразу услышала его в ответ:

— Мё-ё-ё-ё-й-о-о-оп!

— Одно из двух: или у нас в усадьбе сильное эхо, или... — Эйнштейн поднял голову. — Снаружи что-то происходит.

— Что происходит? — Чубчик наконец тоже проснулся.

Он встряхнулся, чтобы сбросить с себя остатки сна, а ещё соломинки, застрявшие в довольно примечательной шевелюре. Волосы у него на затылке ниспадали длинными локонами, а на макушке стояли торчком, образуя короткий чуб.

— Мы не знаем, но... — начал было Эйнштейн, а потом резко смолк и уставился на вход в конюшню.

В дверном проёме возник силуэт довольно крупного четвероногого животного. Нетвёрдой походкой оно двинулось вглубь по коридору.

— Это что ещё такое? — взвизгнула Петрушка.

Чубчик ничего не сказал, лишь молча смотрел.

Незнакомое создание было куда крупнее лам, но, несмотря даже на горб на спине, казалось довольно похожим на них. Этот «гость» с длинной шеей и продолговатым лицом остановился рядом со стойлом и робко взглянул на лам огромными, широко распахнутыми глазами.

Первым дар речи обрёл Эйнштейн.

— Добрый день, — строго сказал он. — Кто ты и что тебе тут нужно?

— Привет, — едва слышно проговорила зверушка с горбом. — Я — Дафна, дромедар*. Мне кажется, я заблудилась.

— Вот и мне так кажется! — Петрушка протиснулась вперёд и воинственно уставилась на Дафну-дромедара. — Это, вообще-то, наша конюшня, и чужим сюда вход воспрещён!

— Но ты ведь слышала — она забрела к нам случайно! — воскликнул Чубчик.

---

* Дромедар — одногорбый верблюд.

Он высунул шею над перегородкой, отделявшей стойло от коридора конюшни, и улыбнулся дромедару.

— Привет, Дафна, меня зовут Чубчик. А это — мои друзья, Петрушка и Эйнштейн. Мы — ламы. Живём здесь, в усадьбе Эрленбах. А ты где живёшь?

— Тоже в какой-то усадьбе, — ответила Дафна. — К сожалению, я потерялась и не знаю, как туда попасть. Я паслась на лугу, щипала травку, незаметно забрела очень далеко, потеряла из виду свою конюшню и не смогла найти дорогу обратно.

— Что-что? Ты не знаешь, где твоя родная конюшня? — недоверчиво переспросил Эйнштейн, разглядывая незнакомку.

Петрушка тоже фыркнула:

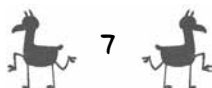
— Сказки нам рассказываешь?

Дафна смущённо опустила взгляд:

— Меня всего пять дней назад туда привезли. А в то место, где я жила раньше, я не хочу возвращаться никогда и ни за что!

— Почему? — удивился Чубчик.

— Там было плохо, — тихо сказала Дафна. — Меня почти не кормили и стойло никогда не чистили. Иногда я громко кричала от голода, и тогда на мой «мёп» приходил человек и бил меня палкой.

— Что-о-о-о? Какая подлость! — возмутился Чубчик. — Где его найти? Он у меня попляшет! Да я его с ног до головы заплюю, да я...

— Чубчик, успокойся, — попытался унять разгорячившегося друга Эйнштейн. — Ты же слышал: Дафна там уже не живёт.

— Да, а на новом месте мне очень хорошо. — Дромедар улыбнулся. — Хозяева у меня очень милые, кормят дважды в день и не бьют — наоборот, чешут за ушком. А ещё там есть и другие животные: куры, осёл и пони. И им тоже живётся отлично. Единственное, что меня огорчает, — люди не понимают моей речи.

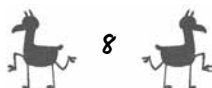
— Добро пожаловать в клуб, — вздохнул Эйнштейн. — Наши люди тоже ни слова разобрать не могут. Как ни пытайся им что-то объяснить, всё без толку.

— Правда? — удивлённо покачала головой Дафна.

Чубчик ещё ближе прижался к дверце стойла и, задрав голову, восхищённо посмотрел на Дафну:

— Я тоже тут, в усадьбе у Зонненшайнов, недавно. Хочешь немножко сена?

Он взял в зубы пучок сухой травы и вытянул шею над перегородкой.

— Это что у нас здесь такое? — раздался вдруг голос Лизы Зонненшайн.

Увлечённые беседой звери совершенно не заметили, как она вошла на конюшню в сопровождении двух своих дочерей — Лилли и Финни. Теперь все трое стояли посреди коридора и удивлённо разглядывали нагрянувшего к ним в усадьбу незваного гостя.

— Это верблюд! — воскликнула светловолосая Лилли, сдвинув на затылок бейсболку, которую в последнее время почти не снимала. Разве что в школе на время уроков, потому что носить головные уборы в классе не разрешалось.

— Если точнее, то это одногорбый верблюд — дромедар, — поправила сестру Финни.

— Верблюд или дромедар, одно можно сказать точно: это животное откуда-то сбежало, — подытожила их мама и шагнула вперёд.

Дафна в смятении отшатнулась.

— Только не бейте, — пискнула она.

— Что ты, Дафна, нет! Не бойся! — воскликнул Чубчик.

Боль в глазах Дафны почти разбила ему сердце. У Эйнштейна тоже всё сжалось внутри.

— Это наши люди. Они очень славные, — поспешно добавил он.

Даже Петрушка смягчилась:

— Тут никого не бьют. Честное ламское слово!

Лиза Зонненшайн тем временем сунула руку в ящик с кормом и достала оттуда батончик мюсли. Она снова попыталась приблизиться, но на этот раз гораздо медленнее.

— Не бойся, мы не причиним тебе вреда. Посмотри, что у меня есть. Это вкусно!

— Ещё как! — вслух позавидовала Петрушка. — Я тоже хочу!

— Это и правда очень вкусно. Попробуй, — подбодрил новую знакомую Чубчик.

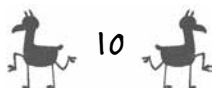
Медленно-премедленно Дафна протянула длинную шею, губами выхватила у Лизы из рук батончик мюсли и стала жевать.

— М-м-м-м, омбъембденье! — пробормотала она вскоре с набитым ртом.

Лиза улыбнулась:

— Ну вот видишь. Всё хорошо.

Она осторожно подошла к Дафне, тихонько положила руку ей на шею и погладила девочку-дромедара по светло-коричневой шерсти.

— Мё-ё-ёп, как здорово, — довольно прострекотала Дафна. Теперь Лилли и Финни тоже подошли ближе и стали гладить дромедара. Но сперва, конечно, позволили Дафне хорошенько себя обнюхать.

— Ну всё, довольно, — возмутилась в стойле Петрушка. — Я вообще-то тоже тут. АЛЛО!

Но люди — все трое! — не обращали на неё никакого внимания.

— Дромедары сами по себе на воле не разгуливают, — размышляла вслух Лиза. — Значит, она чья-то.

— Я сбегая за папой, — решила Финни, пулей вылетела из конюшни, а вскоре вернулась вместе с Кнутом Зонненшайном.

— Кнут — полицейский, — представил его Дафне Эйнштейн. — Недавно мы раскрыли для него преступление. Кражу со взломом! Мы, кстати, детективы.

— Не просто детективы, а та самая знаменитая «Банда лам», — с важным видом вставила Петрушка.

— А я в ней директор! — воскликнул Чубчик.

— Правда? Как здорово! — восхищённо ахнула Дафна.

Ламы гордо переглянулись между собой. Некоторые детали они предпочли опустить — так, например, гостье совершенно ни к чему было знать о том, что и Кнут, и остальные Зонненшайны до сих пор не признавали выдающегося ума и заслуг членов детективной банды.

Тем временем Кнут внимательно рассматривал дромедара. Он сразу догадался, что Дафна его боится, и, даже не зная причину этого, предпочёл встать поодаль, чтобы не напугать её ещё сильнее.

— Кажется, я знаю, откуда взялся этот зверь, — сказал он наконец. — Неделию назад я заезжал

в приют для животных в соседней деревушке. Помните, я вам о нём рассказывал?

— Точно! — хором воскликнули Лилли и Финни. — У них там ещё осёл и пегий* пони!

Дафна широко распахнула глаза.

— Ваш человек знает Дудла и Беппо? — поразилась она.

— В полицейский участок поступило анонимное заявление. Анонимное — то есть неизвестно от кого, — рассказывал тем временем Кнут. — В нём говорилось, что в этом приюте плохо обращаются с животными.

— Это неправда! Наоборот! — горячо возразила Дафна. — Хозяева приюта — замечательные люди. И кормят нас хорошо!

Кнут, разумеется, не понял, что сказала Дафна, но, повернувшись к семье, продолжил:

— Вот я и поехал проверить эту жалобу. И оказалось, что там всё в порядке. Конюшня чистая, животные сытые и ухоженные. Хозяева усадьбы оказались очень приятными людьми. Развели руками, когда я спросил, кто мог написать на них такое заявление. —

---

* Пегий — пятнистый, пёстрый.

Кнут покачал головой. — Они просто изумились, что именно их обвинили в жестокости к животным.

— Это подлая клевета, — решил Эйнштейн.

— Вот именно! — воскликнула Дафна.

— Вот именно, — повторил Чубчик, глядя на неё с обожанием.

— Владельцы усадьбы души не чают в четвероногих. Может быть, этот верблюд тоже оттуда? — заключил Кнут.

— Я дромедар, — поправила его Дафна. — Но ты прав. Мой новый дом там же, где живут пони Дудл и осёл Беппо.

— Если ты не хочешь возвращаться, можешь остаться тут, с нами. Все будут только рады! — простодушно предложил Чубчик.

— Чего-о-о? — задохнулась от возмущения Петрушка. — И речи быть не может! Тут нет места для четверых.

Белую даму-ламу переполняло негодование. С какой это стати она должна делить корм и кров с каким-то приبلудным дромедаром?

— Думаю, такие решения в одиночку не принимаются. Нас тоже нужно спросить, — укорил приятеля Эйнштейн.

— Нет-нет, что вы, конечно же я хочу вернуться обратно, — поспешно объяснила Дафна. — Но всё равно спасибо за предложение! Это очень любезно.

Она робко улыбнулась Чубчику.

— Пустяки... э-э-э... это же само собой, — сбивчиво пробормотал тот.

Он зашатался и, чтобы не упасть, прислонился к Эйнштейну. Коричневый в крапинку лама покоился на соседа по конюшне, сокрушённо покачивая головой. Петрушка скривилась так, будто ей в кормушке попался кислый лимон.

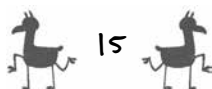
Кнут тем временем вытащил из кармана мобильный.

— К счастью, номер приюта сохранился у меня в последних вызовах.

Он вышел на улицу и какое-то время говорил по телефону, стоя у входа в конюшню. До слуха лам долетали только обрывки разговора.

— Всё ясно, — сказал Кнут, вернувшись. — Дромедар действительно из того самого приюта. Видимо, он убежал, когда на конюшню приходил кузнец, который делает подковы. Скорее всего, ворота по недосмотру оставили открытыми.

Тут он покосился на лам.

— Наши тоже как-то такое проделывали. Да ведь, разбойники?

— У нас всегда были веские причины, чтобы покидать пастбище, — с достоинством ответил Эйнштейн.

— Вот именно! В конце концов, мы помогли поймать вора, глупая твоя голова! — не осталась в стороне и Петрушка.

Кнут, конечно же, ни слова из этих речей не разобрал.

— Сейчас кто-нибудь приедет, чтобы забрать Дафну. Так её зовут.

— Как жаль! Я надеялась, что мы успеем показать Дафну Шнурку, Мине и Тиму, — огорчилась Финни.

Так звали друзей сестёр Зонненшайн, которые часто заглядывали к ним в гости в усадьбу. Местом их сбора обычно служил сеновал над конюшней.

— Может быть, нам разрешат как-нибудь прийти в приют для животных? — спросила Лилли.

— Ой, да, точно! — воскликнула Финни.

Вскоре во двор усадьбы Зонненшайнов въехал старый фургончик «Фольксваген» и остановился рядом с конюшней. Первым из него выбрался молодой бородатый парень, а за ним девушка с русой косой и в широких разноцветных шароварах.

— Вот ты где, беглянка, — нежно обратилась она к Дафне и почесала её под подбородком.

— Привет, Лив! — обрадовалась Дафна и, доверчиво вытянув шею, ткнулась носом в сгиб её локтя. — Я совсем не собиралась убегать. Но вокруг было столько вкусной травы! Я просто шла, шла и забрела совсем далеко.

Молодой парень улыбнулся.

— Дафна — очень разговорчивый дромедар, — объяснил он Зонненшайнам. — По утрам, когда мы приходим на конюшню, она всегда первой нас приветствует.

— Очень знакомо, — хором отозвались Лилли и Финни. — Петрушка у нас тоже очень болтливая.

— А вот и нет! Я просто не хочу, чтобы вы забыли про мой завтрак, — обиделась белая лама.

Впрочем, никто её уже не слушал. Молодые люди попрощались с Зонненшайнами, потом парень снова сел в фургон и уехал, а светловолосая девушка надела на Дафну уздечку.

— Что ж, моя девочка, теперь мы пойдём домой.

— Ну наконец-то, — проворчала себе под нос Петрушка.

Бесцеремонно повернувшись к людям и зверям белой пушистой попой, она отошла в самый дальний угол стойла и принялась жевать сено.

— Пока! И спасибо, что были так добры ко мне! — прокричала счастливая Дафна ламам.

— Без проблем, — отозвался Эйнштейн.

А Чубчик совсем ничего не сказал. Дафна давно скрылась из виду, а чёрный лама всё ещё стоял как вкопанный и смотрел ей вслед.

Петрушка обернулась и подтолкнула его мордочкой в бок:

— Эй, ты чего? Заболел?!

— Вы видели её глаза? — Чубчик вздохнул. — А её шёрстка... Такая мягкая и нежная. И такое красивое имя — Дафна...

Петрушка некоторое время с недоумением таращилась на Чубчика, потом повернулась к пятнистому другу:

— Что это с ним?

Эйнштейн фыркнул:

— Да это же яснее ясного: Чубчик влюбился!

Бедный влюблённый лама!

Петрушка повернулась к Чубчику.

— Это правда? — строго спросила она. — Ты что, действительно втрескался в эту Дафну-дромедара?

— Я не знаю. — Чубчик почесался чёрной макушкой о деревянную стенку стойла. — Что значит «втрескался»?

— Это когда твоё сердце рвётся из груди, как бешеная лама. И тебя бросает то в жар, то в холод. И всё вокруг будто плывёт и кружится... — объяснил Эйнштейн.

— Всё так и есть! — перебил его Чубчик. — Когда я думаю о Дафне, ноги у меня дрожат и, кажется,

вот-вот развалятся, как батончики мюсли, которые намокли, а в голове становится совсем пусто и гулко.

— Диагноз однозначный: этот лама влюбился и витает в облаках от счастья, — подытожил Эйнштейн.

— Чушь какая, — рассердилась Петрушка. — Может быть, Чубчик просто объелся. Или, или... у него глисты. Или заворот кишок!

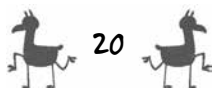
— Скорее уж заворот мозгов: все мысли крутятся вокруг одного и того же. — Эйнштейн хмыкнул. — Дафна украла его сердце.

— Что? И как же мне теперь быть? Разве можно жить без сердца? — забеспокоился Чубчик.

— Да нет, на самом деле твоё сердце на месте, — успокоил его Эйнштейн. — Это просто такое выражение. Так говорят, когда кто-то влюбился.

— Чубчик не влюбился! Вот ещё! С какой стати ему влюбляться в какое-то непонятное животное?! — бушевала Петрушка.

— Ну почему же непонятное. Дафна — дромедар, одногорбый верблюд. И они, и бактрианы, двугорбые верблюды, относятся к семейству верблюдовых. Как и мы, ламы.

— Я — альпака, а не какой-то там обычный верблюд! — огрызнулась Петрушка. — Я — особенная! И редкая.

— Да, редкая вредина. А ещё на редкость ревнивая, — подколот её Эйнштейн.

Петрушка обиженно вышла из конюшни и направилась в самый дальний угол загона.

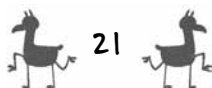
— Она сердится? — испуганно спросил Чубчик, который тяжело переживал ссоры, даже самые мелкие. Если Петрушке с Эйнштейном доводилось о чём-то повздорить, он просто не находил себе места, и друзья обычно тут же мирились, лишь бы его не расстраивать.

— Она недовольна, что Дафне сегодня уделили больше внимания, чем ей. Но не переживай, Петрушка скоро успокоится, — утешил Чубчика коричневый в крапинку друг.

Внезапно снаружи вновь послышался громкий звук мотора. Эйнштейн поднял голову, а Чубчик вытянулся в струнку и весь обратился в слух.

— А вдруг это Дафна вернулась?

— С каких пор дромедары водят машины, а? — резонно заметил Эйнштейн.

И всё же они оба вышли из конюшни в загон к Петрушке. В ворота усадьбы как раз заворачивал элегантный красный автомобиль. На его левом боку красовалась надпись крупными золотыми буквами: «Райхенштáйн Иммоби́лиен». За рулём сидел загорелый брюнет в солнцезащитных очках, с гладко зачёсанными назад и прилизанными гелем волосами.

— Надо же, у этого автомобиля нет крыши, — удивился Чубчик. — Как же так? Ведь если пойдёт дождь, этот человек промокнет!

— Я думаю, крыша там есть — откидная. Когда нужно, её можно поднять, а потом снова опустить. Это называется «кабриолет», — объяснил Эйнштейн.

— Откидная? Ух ты! Вот бы нам такую в конюшне! — восхитился Чубчик.

Тем временем водитель вышел из машины и сдвинул тёмные очки на голову.

— Здравсьте! — крикнул он. — Есть тут кто-нибудь?

— Мы тут есть, слепой, что ли? Разууй глаза, — громко огрызнулась Петрушка.

Загорелый тип повернул голову на звук и увидел трёх лам. В этот момент из дома вышли Кнут и Лиза. Незнакомец со смехом показал на Петрушку:

— Это что такое? Помесь пуделя и овцы?

От такой наглости у Петрушки даже пересохло во рту.

— Что... Что он обо мне сказал? — с трудом выговорила она.

— Хочешь, я в него плюну? — с готовностью предложил Чубчик, которому казалось, что он чем-то провинился перед подругой и должен загладить вину.

— Мы стоим слишком далеко от людей. А ещё мне хотелось бы послушать, что ему тут нужно. Поэтому будьте добры, помолчите, — скомандовал Эйнштейн.

Этот тип не внушал ему доверия. Неспроста он заявился во двор к Зонненшайнам. Слишком уж роскошная машина, слишком тёмные очки и слишком развязная манера держаться.

Незнакомец подошёл к Зонненшайнам. Он даже не подумал протянуть руку Кнуту или Лизе, чтобы поздороваться, а вместо этого сунул им какую-то прямоугольную бумажку.

— Моя фамилия Райхенштайн. Я владелец агентства недвижимости «Райхенштайн Immobilien», очень приятно, — отрывисто бросил он. — У меня к вам предложение.

— Мы не продаём дом, — сказал Кнут, бросив беглый взгляд на листок, и хотел было вернуть его незваному гостю.

— Вот именно, мы не продаём! Так что проваливай отсюда, — громко проблеяла Петрушка из-за забора.

— Нет-нет, речь идёт не об усадьбе, а вон о том участке.

Незнакомец махнул рукой в сторону лугов, которые начинались сразу за оградой загон для лам.

— Они ведь тоже принадлежат вам, не так ли?

— Ну да, — ответил Кнут. — Но они никак не используются. Почва там не подходит для земледелия.

Собеседник радостно всплеснул руками.

— Вот именно, — с готовностью подхватил он. — Вам эти бесполезные земли всё равно

не нужны, а я готов предложить за них хорошую цену.

— А почему вы хотите дать за них денег, если они ничего не стоят? — в замешательстве спросила Лиза.

Агент по недвижимости расплылся в улыбке.

— Потому что «Райхенштайн Иммобилен» инвестирует в будущее, — уверенно заявил он. — Наш риск — ваша выгода.

— Этот тип мне не нравится, — проворчал Эйнштейн. — Когда он улыбается, то выглядит точь-в-точь как та акула на картинке из учебника, который Финни как-то забыла на конюшне.

— А ещё он злоупотребляет одеколоном, — буркнула Петрушка, вздёрнув верхнюю губу от отвращения. — Настолько, что даже здесь чувствуется.

— Человек, который ездит на машине без крыши, какой-то странный, — высказался Чубчик.

Но вот Зонненшайны, казалось, были другого мнения.

— Что ж, вообще-то звучит неплохо, — неуверенно сказала Лиза.

Кнут кивнул:

— Нам действительно не нужны эти луга.

— Но они нужны МНЕ! — вскрикнула Петрушка, закипая от возмущения. — В конце концов, я могу просунуть голову за ограду и щипать там траву!

— А ещё там много цветов, на которые прилетают бабочки, пчёлы и шмели, — вставил Чубчик.

— Мало ли что этот человек хочет сделать с пустыми землями, — задумчиво сказал Эйнштейн. — Как знать, может, он будет пасти на них стадо коров.

— Ну уж нет! Не нужен мне тут крупный рогатый и к тому же вонючий скот по соседству! — запротестовала Петрушка. — А ну прекратите с ним разговаривать! — крикнула она Зонненшайнам. — Пусть немедленно проваливается!

Агент по недвижимости повернул к ламам голову.

— Какие шумные у вас звери, — заметил он с натянутой улыбкой, пронзив Петрушку таким злым взглядом, что она даже осеклась и умолкла.

— Ах, это наши ламы. Вообще-то они очень дружелюбные, — объяснила Лиза.

— Мы подумаем над вашим предложением, — пообещал Кнут.

— Хорошо, но не тяните с ответом слишком долго. Я рассматриваю разные альтернативы, — сказал неприятный тип.

— Что такое альтернативы? — шёпотом спросил Чубчик у Эйнштейна.

— Другие предложения, — ответил коричневый в крапинку лама.

В это время агент снова сел в свой автомобиль и укатил со двора под рёв двигателя.

Эйнштейн, прищурившись, смотрел ему вслед:

— Этот тип какой-то подозрительный. Он точно что-то замышляет.

— Глупости! Я его запугала и прогнала, ты же видел. Всё это яйца выеденного не стоит, — возразила Петрушка.

Она сию же секунду выбросила из головы недавний визит и принялась щипать травку.

Эйнштейн повернул голову к Чубчику. Тот стоял у ограды загона и с тоской всматривался вдаль. Никто из друзей мнения Эйнштейна так и не разделил.

«Ну и ладно», — решил он и тоже сосредоточился на вкусных луговых растениях.

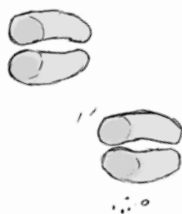

На следующее утро у Чубчика пропал аппетит. Он даже не притронулся к своему батончику мюсли. Все его мысли занимала Дафна. Этой ночью он видел её во сне — будто они бок о бок несутся галопом по зелёной травке. Он ещё раз прокрутил в голове весь их вчерашний разговор тут, на конюшне. Как она ему улыбалась! При воспоминании об этом у Чубчика по всему телу побежали мурашки, а в животе запорхали бабочки. А что, если Дафна сейчас тоже о нём думает? И, может быть, даже немного по нему скучает?

После того как Лилли и Финни вывели лам из конюшни в загон и ушли в школу, Чубчик решил просто спросить обо всём саму Дафну. Но для этого сперва предстояло до неё добраться. Он, конечно, знал, что Дафна живёт в приюте для животных, но вот где этот приют находится, к сожалению, не имел ни малейшего представления. Но Чубчик нисколько не сомневался: он найдёт её! В конце концов, приют был где-то недалеко. По крайней мере, так сказал Кнут.

Чубчик покосился на друзей-лам. Петрушка и Эйнштейн были с головой погружены в поедание вкусной травы. Но всё-таки пройти прямо у них под

носом он не решился. Наверняка Эйнштейн начнёт его отговаривать от задуманного, а это совершенно ни к чему! Поэтому Чубчик прокрался из загона обратно в конюшню. Остановившись перед запертой дверью стойла, он вздёрнул верхнюю губу, осторожно подхватил железную задвижку зубами и потянул её в сторону. Лязгнув замком, дверь распахнулась. Чубчик осторожно вышел в коридор и устремился к выходу. Удостоверившись, что его соседи по стойлу пасутся спиной к нему

и ничего не замечают, он рысцой выбежал со двора.

Когда Чубчик оказался вне зоны их видимости, то наконец остановился и осмотрелся по сторонам.

Куда девушка, которая приезжала вчера, могла увести Дафну? Чубчик

вытянул шею. Во все стороны простирались только леса и поля. Поблизости не было видно ни дома, ни усадьбы, где мог бы располагаться тот самый приют для животных. Чубчик загрустил и повесил голову. И тут — о чудо! — он вдруг заметил, что трава в некоторых местах примята. Не поднимая носа, чёрный лама пошёл по следу, который вывел его на лесную тропинку. Минувшей ночью прошёл дождь, земля ещё не до конца просохла, и в одной из лужиц Чубчик разглядел круглые отпечатки ног с двумя пальцами спереди: это, вне всяких сомнений, были следы Дафны! Ведь у дромедаров, как и у лам, вместо настоящих копыт на ногах имелось два больших пальца, на подошве покрытых мозолистой кожей. Чубчик даже подпрыгнул от радости. Он всё-таки превосходный детектив — не зря ему доверили должность директора в «Банде лам»! Не поднимая носа от земли, он перешёл на лёгкую рысь. Однако цепочка следов внезапно оборвалась. Чубчик в растерянности остановился у края покрытого свежескошенной травой луга. Что же теперь делать? Как искать Дафну?

— Лама-панама, — с досадой пробормотал он себе под нос.

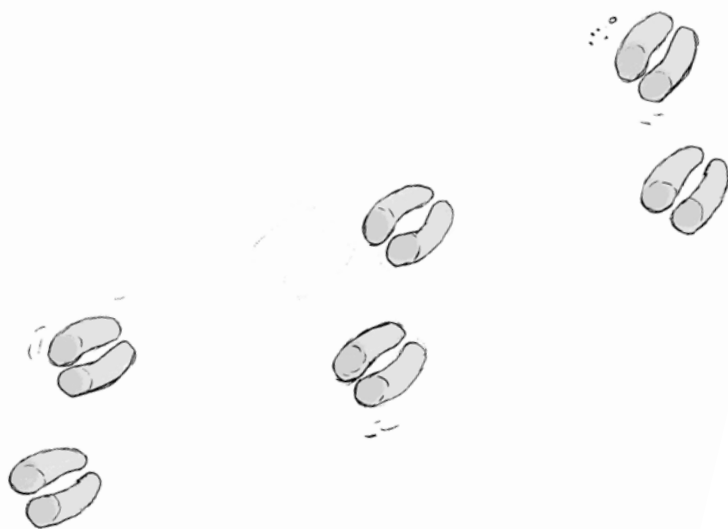
Неужели всё было зря и он окончательно сбился со следа?

Чубчик поднял голову. И тут между деревьями, растущими по краю луга, он разглядел большое белое здание с тёмными балками и красной черепичной крышей. Чёрный лама прищурился. Сбоку от здания виднелась какая-то ограда. Похоже на загон для выгула животных. Может быть, где-то там пасётся Дафна? При мысли о возлюбленной сердце у Чубчика забилося быстрее.

— Да-а-а-а-а-а! — проблеял он.

— Мё-ё-ё-ё-ёп! — раздалось ему в ответ.

Чубчика от кончиков пальцев до самых ушей охватила дрожь. Он галопом бросился на голос Дафны, мгновенно позабыв обо всём: об усадьбе Эрленбах, о вкусном корме и даже о своих друзьях-ламах.

Вот это новости

— А где у нас Чубчик? — подняв голову, спросил Эйнштейн. За два часа он досыта наелся вкусной травы и теперь решил осмотреться по сторонам.

— Наверняка в стойле, страдает от любви, — чавкая, отозвалась Петрушка.

Она только что сорвала сочный одуванчик и совершенно не собиралась переживать за соседа по конюшне. Вот ещё! Чубчик разве о ней думал? Нет — у него в голове одна эта Дафна-дромедар. И это при том, что она, Петрушка, куда симпатичнее и дурацкого горба у неё нет!

— В стойле пусто! Я только что проверил. Он пропал! — прокричал Эйнштейн изнутри жилища лам.

Тут уже и Петрушка встревожилась. Она рысью обежала загон, громко бляя:

— Чубчик!

Но сколько она ни звала, ответа не было.

Обе ламы едва шеи себе не свернули, крутя головами: их чёрный друг исчез без следа.

Эйнштейн подтолкнул Петрушку носом:

— Смотри-ка, задвижка открыта!

— Сбежал, — ахнула Петрушка. — ЛАМачки мои, что сейчас начнётся!

И действительно: словно услышав её слова, в конюшню тут же вошли Лилли и Финни. Видимо, сегодня уроки у них в школе закончились раньше обычного. Девочки толкали перед собой тачку, в которой лежали навозные вилы.

— Всем привет! — радостно поздоровалась с животными Лилли.

— Вот только тут почему-то не все, — поправила Финни сестру. — Я вижу только двух лам вместо трёх: Эйнштейна и Петрушку.

— Что? Как это? Но в загоне ведь Чубчика тоже не было.

Лилли удивлённо покрутила головой, и её собранные в хвост волосы, торчавшие из-под бейсболки, разлетелись по сторонам.

— Смотри, что я умею! — воскликнул Эйнштейн.

Он проворно подцепил и стащил с головы Лилли бейсболку, отчаянно пытаясь отвлечь внимание девочек от исчезновения Чубчика. Вдруг чёрный лама с минуты на минуту вернётся и нужно лишь немного потянуть время? Но из этой затеи ничего не вышло.

— Эйнштейн, прекрати! — рассердилась Лилли.

— Чубчик пропал, — серьёзно сказала Финни. — Нужно сейчас же рассказать маме и папе.

Девочки быстрым шагом вышли из конюшни.

— Ну всё, кажется, у нас пробЛАМы, — вслух заметила Петрушка. — Что скажешь?

Эйнштейн закатил глаза:

— М-м-мф, нгр-р-р.

Вместо ответа у него вышла какая-то неразборчивая каша из звуков, ведь он всё ещё держал в зубах кепку Лилли.

Вскоре девочки вернулись в сопровождении Кнута и Лизы.

— В конюшне его нет и снаружи, в загоне, тоже нет, — объяснила Лилли. Она забрала у Эйнштейна бейсболку и снова надела её на голову.

— Дверь в стойло открыта, — заметила мама. — Неужели вы...